

Новые возможности изучения динамики социальной структуры ранневизантийского общества раскрыла и обозначила монография по социальным отношениям V в. Т. Грегори¹¹. Рассмотренный им законодательный материал, касающийся участия народных масс, плебса в религиозной борьбе, достаточно отчетливо показывает, с одной стороны, определенные этапы роста общественной активности плебейского населения, роль и значимость его борьбы за собственные интересы, а с другой — степень признания политических прав массы населения в двух аспектах: живой реалии времени и традиции. Законодательный материал, проанализированный Т. Грегори под углом зрения характеристики развития социальных отношений, дает возможность более отчетливо выявить некоторые принципиальные установки социальной политики государства в отношении плебейского населения империи, без учета которых, как убедительно показывает исследователь, вряд ли может быть восстановлена действительная картина эволюции сословий ранней Византии, содержания и темпов этого процесса для каждого из них. Труд Т. Грегори — один из примеров тех возможностей, которые еще дает изучение законодательства для уяснения процессов эволюции социальной структуры общества ранней Византии. Все вышесказанное свидетельствует, что правы те исследователи, которые подчеркивают сохраняющуюся фундаментальную значимость исследования данных законодательства.

Мы разделяем мнение Ф. Тиннефельда, что исторические сочинения, хроники, жития, археологические памятники в меньшей степени помогают решить задачу¹². Законодательство является важнейшим источником, освещающим разные аспекты социальной политики, социальной структуры и динамики развития сословий и групп. Без законодательных источников была бы невозможна общая ориентация в сложных проблемах византийской истории¹³.

При изучении и сопоставлении данных Кодексов Феодосия и Юстиниана¹⁴, естественно, немаловажное значение приобретает вопрос об их сходстве и различиях, о целях, установках и методах составления этих сводов¹⁵. В отношении Кодекса Феодосия все исследователи пришли к единому мнению, признав его ценность как подборки законов (хотя и не без лакун, в том числе и территориально — по провинциям), подборки

¹¹ *Gregory T. E. VOX POPULI: Violence and Popular Involvement in the Religious Controversies of the Fifth Century A. D. Ohio, 1979.*

¹² О юридических источниках см.: *Tinnefeld F. Op. cit. S. 5—8; Сюзюмов М. Я. Еще раз о юридических источниках для истории колоната // ВДИ. 1951. № 4. С. 83. Ср.: Ранович А. Б. Колонат в римском законодательстве II—V вв. // ВДИ. 1951. № 1.*

¹³ Методика анализа законодательных памятников учитывает, что законы часто говорят не о том, как дело обстоит в действительности, а о том, как должно быть, в них наличествует определенная избирательность социальных явлений. К сожалению, мы не можем проследить степень претворения законов в жизнь, точно определить во многих случаях географию закона. Сложность представляет и неадекватность юридического языка прошлого современным критериям. См.: *Tinnefeld F. Die frühbyzantinische Gesellschaft. . . S. 13.*

¹⁴ *Corpus juris civilis. Vol. 2: Codex Justinianus. (Далее: Cod. Just.) / Ed. P. Krüger. B. 1954; Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Sirmondianis et Leges novellae ad Theodosianum pertinentes / Ed. Th. Mommsen, R. M. Meyer. Berolini, 1954; Wanger L. Die Quellen des römischen Rechts. Wien, 1955.*

¹⁵ См. материалы: *Kolloquium «Römische Geschichte, römisches Recht und aktuelles Recht» // Klio. 1979. Bd. 61, H. 1; Ferenzy G. Römische Rechtsgeschichte — antike Rechtsgeschichte // Ibid. S. 25—32; Härtel G. Römisches Recht und römische Gesellschaft // Ibid. S. 7—25; Wieacker F. Recht und Gesellschaft in der Spätantike. Stuttgart, 1964; Voss W. Recht und Rhetorik in den Kaisergesetzen der Spätantike. Frankfurt a. Main, 1982; См. мат. сб.: *L'imperatore Giustiniano: storia e mito: Giornale di Studio a Ravenna (14—16 ottobre 1976) / A cura di G. G. Archi. Milano, 1978.**